

Русская небольшеви́стская дипломатия и вопрос международного признания Белого движения в 1918–1920 гг.

Е.М. Миронова

Институт всеобщей истории РАН

Статья посвящена отношению русской небольшеви́стской дипломатии как самостоятельной силы эпохи к важнейшей внешнеполитической задаче Белого движения – обретению им международного признания. Исследование позволило прояснить позицию дипломатов по этому вопросу на разных этапах Гражданской войны, выявить различные точки зрения, проследить дискуссии по этой теме внутри заграничного дипломатического корпуса, познакомиться с аргументацией, использовавшейся дипломатами в решении этой задачи.

Анализ взглядов представителей России показывает их глубокий патриотизм, профессионализм, последовательную и настойчивую работу над поставленной задачей. Однако в условиях, когда иностранные державы не разделяли лозунгов Белого движения, возможности для поиска точек соприкосновения были очень ограничены. На первом этапе (лето – осень 1918 г.) дипломаты с большой осторожностью относились к претензиям на признание того или иного из многочисленных небольшеви́стских правительств. На втором этапе (конец 1918–1919 гг.) вопрос признания играл особую роль – от его решения зависела возможность участия представителей России в Версальской мирной конференции, а значит, и в определении конфигурации послевоенного мира. Однако мировой политический истеблишмент, не разделявший лозунга Движения о восстановлении единой и неделимой России, воздерживался от его дипломатического признания, несмотря на усилия небольшеви́стских дипломатов. На третьем этапе (весна – лето 1920 г.) барон Врангель пошёл на установление отношений с правительствами побеждённых стран. Со своей стороны, дипломаты, не видя перспектив свержения советской власти, не приняли деятельного участия в борьбе севастопольского правительства за его признание. Решение этой проблемы взял на себя глава управления внешних сношений врангелевского правительства П.Б. Струве, которому представители дипломатического корпуса оказывали техническую поддержку. Признание Францией севастопольских властей летом 1920 г. имело ограниченный характер, не предусматривало активной помощи в борьбе с большевиками и вызывало оправданный скепсис в дипломатических кругах.

Ключевые слова: Русский заграничный дипломатический корпус, союзники, С.Д. Сазонов, П.Б. Струве, В.А. Маклаков, М.Н. Гирс

УДК 327.82(470+571)“1918/1920”
Поступила в редакцию: 04.11.2022
Принята к публикации: 10.02.2023

Накануне Версальской мирной конференции 1919 г. Россия, немало сделавшая для победы стран Антанты, связанная с союзниками договорными обязательствами, обладавшая правом на свою часть «плодов победы», оказалась резко ослабленной вследствие разразившейся Гражданской войны. Белый лагерь претендовал на преемственность от дооктябрьской власти. Для союзников признание подобного требования означало, по крайней мере, неприятную необходимость аргументировать отказ от исполнения принятых на себя обязательств (в частности, договорённости 1915 г. о передаче России Константинополя с проливами), возвращение русского имущества, оставленного в союзных странах, разблокировку русских счетов за границей, учёт мнения российских политиков при определении конфигурации будущего мира. Вряд ли были основания надеяться на такое великодушие великих держав.

В сложившихся обстоятельствах все значимые международные вопросы решались в Париже, где встретились главы стран Антанты: союзные, а также и нейтральные страны «шли в кильватере» решений великих держав касательно России. Именно от Антанты, апеллируя к понятиям союзных отношений и военного братства, Белая Россия ждала признания и помощи. Обращение к побеждённым в обстановке 1919 г. было бы губительно для отношений с победителями и бесперспективно в плане получения помощи для внутренней борьбы в России.

В период Гражданской войны над проблемой международного признания русского небольшевистского правительства работали разные силы: правительственные структуры Колчака, общественность в России и за рубежом, а также сохранившийся с имперских времён Русский заграничный дипломатический корпус.

Признав Временное правительство в марте 1917 г., в ноябре дипломаты отказались сотрудничать с большевиками. С политической арены они тем не менее не ушли, аргументируя продолжение своей деятельности тем, что не вся страна подчинилась Советской власти. Дипломатический корпус уже в ноябре 1917 г. создал Совет послов, которому целый год пришлось работать в отсутствии правительства, чью политику он мог бы проводить. Деятельность дипломатического корпуса в годы Гражданской войны простиралась далеко за пределы его обычной компетенции; он имел свой подход и вёл линию, не всегда совпадавшую со взглядами властей в России.

Вопрос о международном признании правительства Колчака в той или иной мере затрагивали авторы, писавшие об эпохе Гражданской войны в России. В ходе изучения картина детализировалась, менялись идеологические подходы, исследователи выдвигали интересные гипотезы, подтверждали их или опровергали (см. например, Штейн 1949; Thompson 1966; Ullman 1961, 1968; Ермаков, Гришанин 2002; Емцов 2002; Карлей 2017; Смолин 2017; Шмелев 2017; Чемакин 2020).

Однако до сих пор в тени оставался процесс выработки Заграничным корпусом отношения к международному признанию правительства Колчака, и деятельности по решению этой задачи. Тем не менее работа дипломатических представителей не могла не попасть в поле зрения исследователей. Так, ещё в середине 60-х гг. прошлого века американский историк Дж. Томсон упоминал о действиях С.Д. Сазонова и В.А. Малакова, направленных на объединение правительств Колчака и Деникина (Thompson 1966: 271). Предложенный нами тезис о том, что в период Гражданской войны Заграничный корпус представлял собой самостоятельную политическую силу, в науке ещё не утвердился. Как правило, авторы не отделяют его деятельность от политики правительств Колчака, Деникина, Врангеля. Тем не менее некоторые оценки работы дипкорпуса по обеспечению международного признания Белого движения уже сделаны. В частности, А.В. Шмелёв пришёл к выводу, что выжидательная тактика Омского правительства парализовала все активные замыслы внешнеполитического ведомства (Шмелев 2017: 34, 35). А.В. Смолин указал, что проигрыш русской дипломатии был связан с оторванностью от событий в реальной России, а также с тем, что в разгар Гражданской войны дипломаты оставались в плену представлений имперского периода (Смолин 2017: 212, 213).

Мы поставили перед собой задачу проследить трансформацию отношения дипломатического корпуса к вопросу признания небольшевистского правительства в России как в теоретическом, так и в практическом плане; уточнить позиции, по которым он расходился во взглядах с правительствами, которые представлял на международной арене; выявить степень его участия в работе по признанию правительства барона Врангеля.

При подготовке статьи мы опирались на сборники опубликованных документов¹, мемуары (Михайловский 1992; Воспоминания генерала... 1992; Абрикосов 2008), однако основной документальной базой исследования стали материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи, (далее АВПРИ), Русского архива университета г. Лидс – Leeds Russian archive (далее LRA), а также коллекции документов русской эмиграции Гуверовского архива войны и мира, в копиях переданных в ГАРФ (фонд 10003).

¹ «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940): в 2 кн. 1998. Москва; «Совершенно лично и доверительно» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. 2001. Москва. Т. 1.; Русская военная эмиграция 20–40 гг. Документы и материалы. 1998 (2017). В 10 тт. Москва (Курск); *Documents on British Foreign Policy 1919–1939 in 27 vols. First series.* 1949. London. Vol. 3 (далее DBFP); Pipes R. 1963. *Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920. Cahiers du monde russe et soviétique.* 4(4-4). P. 401-435.

Проблема признания небольшевистских правительств во второй половине 1918 г.

Для Белого движения факт признания союзными державами был крайне важен. А.В. Шмелёв следующим образом суммировал возможности, которое оно открывало: «признание территориальной целостности государства, размораживание кредитов Временного правительства и открытие новых, возвращение русского имущества, попавшего в руки немцев, а от них к союзникам, например, золота, судов торгового флота, оружия и прочих запасов. Тесно связанными с признанием оказались также вопросы о преемственности политики и прав (незыблемость договоров императорского и Временного правительств, которые признаются не только омским правительством, но и союзниками), о равноправии при сношениях с другими государствами, о внутрироссийской сплочённости и подчинении других русских правительств омскому, об официальном статусе и положении представителей омского правительства и об их полномочии вести переговоры и производить закупки вооружения и снабжения в различных государствах» (Шмелёв 2017: 15).

Надо понимать, что границы компетенции русской дипломатии в новых условиях значительно расширились. По подсчётам С.П. Мельгунова, к августу 1918 г. в России было уже 19 антибольшевистских правительств (Мельгунов 2004: 294). Находясь «под омофором благодати преемственности», как писали современники по отношению к дореволюционным временам, Корпус волеиневолей оказался в роли внешнего регулятора внутривнутриполитической борьбы в России. С ним антибольшевистские центры пытались установить отношения в надежде приобрести дополнительные козыри и авторитет среди других аналогичных образований. Перед ним остро встала и ещё одна «внутренняя» задача: содействовать сплочению создававшихся правительств, выстраиванию их иерархии². В силу обстоятельств дипломаты получили прерогативу решать, какое из них поддерживать, какое представлять на международной арене.

Ещё в конце 1917 г. Заграничный корпус определил для себя, что будет сотрудничать со всеми антибольшевистскими центрами, которые появятся на Родине. Более того, на состоявшемся в декабре 1918 г. совещании послы пошли на беспрецедентный шаг, предложив союзным державам фактически признать власти, образовавшиеся на национальных окраинах империи. С признанием правительств, возникших на собственно русских территориях, дело обстояло иначе.

² См. например: Долбежев передаёт телеграмму кн. А. Кудашева в Омск, председателю Совета Министров, копия министру иностранных дел 12 августа 1918 г. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 395. Л. 107.

Так, в марте 1918 г. посол в Китае князь Н.А. Кудашев весьма саркастически отнёсся к просьбе содействовать признанию союзниками правительства, как он писал, созданного в Томске, бежавшего под давлением обстоятельств в Харбин и считавшего, что при содействии иностранцев оно могло бы легко справиться с большевиками³. Работавший в посольстве в Токио Д.И. Абрикосов позже вспоминал о множестве организаций в Сибири, претендовавших на роль истинного антибольшевистского правительства, которые начинали с отправки в представительство телеграммы, «подписанной совершенно неизвестными именами, с настойчивой просьбой представить её [эту организацию – Е.М.] японскому правительству» (Абрикосов 2008: 333).

В июле 1918 г. встал вопрос о признании Комуча⁴. За это активно выступал бывший премьер Временного правительства А.Ф. Керенский. Вместе с русским послом в Париже В.А. Маклаковым он несколько раз посетил французского премьера Ж. Клемансо. Из этих встреч русские политики вынесли впечатление, что французы готовы поддержать антибольшевистское правительство в России в рамках согласованной политики союзников. Кроме того, такая власть, по мнению официального Парижа, должна была доказать свою жизнеспособность хотя бы несколькими месяцами существования (Tongour 1979: 69-70).

Созданное в сентябре 1918 г. Уфимское правительство провозгласило себя наследником Временного Всероссийского. Это изменило ситуацию в антибольшевистском лагере и потребовало нового обсуждения Корпусом. Однако, и сходя из того, что дипломаты не уполномочены влиять на вопросы внутренней политики, часть представителей России (в Швеции, США, Китае, Монголии) информировали власти, при которых были аккредитованы, о создании нового Временного Всероссийского правительства. Не дождавшись согласованного решения Корпуса по этому вопросу, они передали официальный запрос о признании Уфимского правительства в качестве единственного законного наследника легитимной власти в России⁵. Однако Вашингтон, например, не счёл для себя возможным признать образовавшуюся власть, ожидая фактических доказательств её прочности и поддержки населением.

Между тем старейшина Корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс, ответил Директории, что её программа встречает сочувствие союзников, и существует вероятность получения от них помощи при условии, что другие антибольшевистские образования признают её всероссийский статус⁶. Этим же Гирс обусловил и свою деятельность в пользу международного признания новообразованной власти⁷.

³ Кн. Кудашев В.А. Маклакову 28 марта 1918 г. № 315. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 3. Л. 453.

⁴ Комитет членов Учредительного собрания. Создан в начале июня 1918 г. на территориях, освобождённых от большевиков с помощью чешских военных контингентов. Реально власть Комуча распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала.

⁵ Государственный архив Швеции. UD. 1902. vol. 275. III.; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 555. Л. 16, 30.

⁶ Секретная телеграмма М.Н. Гирса кн. Кудашеву для Авксеньгьева 17 октября 1918 г. № 111. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. № 3517. Л. 62.

⁷ М.Н. Гирс В.А. Маклакову 9/22 октября 1918 г. № 113. АВПРИ. Л. 108.

Вокруг этого вопроса в Заграничном корпусе развернулась дискуссия. Момент был напряжённый. Подходила к концу Первая мировая война, не за горами был мирный конгресс. Россия была выведена из войны Советским правительством. От этого акта – «измены» союзническому долгу – противники большевиков официально дистанцировались (Миронова 2013: 73–86). Они считали, что три года общей борьбы давали стране полное право участвовать в подведении итогов войны на равных правах с победителями. Именно в этом ключе, «иметь правительство к созыву конгресса»⁸, рассматривалась дипломатами проблема признания Директории. М.Н. Гирс полагал, что при условии установления Уфой связи с другими антибольшевистскими центрами, которые приняли бы их в качестве руководящего органа⁹, следует настаивать на признании союзниками¹⁰. К его мнению присоединился временный поверенный в Лондоне К.Д. Набоков.

Немедленных шагов по инициированию признания требовал от дипломатов А.Ф. Керенский, не наделённый никакими постами в Белом движении, но продолжавший активно вмешиваться в дела. К его призывам посол в Париже В.А. Маклаков относился скептически. Он не видел преимуществ уфимской Директории перед правительствами, возникшими в Сибири, и сомневался в успехе этой «комбинации, являющейся типичным компромиссом партийных главарей»¹¹. Посол полагал, что само требование признания свидетельствует о легкомысленности этого новообразования¹².

Натолкнувшись на непонимание великих держав, уфимские власти решили зайти с другого конца. Создавшие Директорию эсеры, имевшие личные дружеские отношения с лидерами национального чехословацкого движения, рассчитывали на доброе и благодарное отношение чешских политиков к «исторической» России. За два дня до провозглашения государства Чехословакия МИД Временного правительства Сибири учредил пост дипломатического представителя при Чехословацком национальном совете, предложив на эту должность бывшего генерального консула России в Праге С.В. Жуковского. Одновременно была выражена готовность принять на основе взаимности чешского представителя¹³.

В ноябре 1918 г., следуя поступившим из Омска указаниям, Маклаков поднял в Париже вопрос об обмене дипломатическими представительствами между Белой Россией и Чехословакией. Однако правительство молодого европейского государства отнеслось к предложению с осторожностью. В фонде внутренней переписки архива МИД Чешской Республики сохранилось два варианта ответа

⁸ Там же.

⁹ В.А. Маклаков – Послу в Вашингтоне 11 октября 1918 г. № 308; секретная телеграмма российского посла в Риме российскому посланнику в Пекине от 17 октября 1918 г. № 111 для Авксенььева. *АВПРИ*. Л. 62; М.Н. Гирс Послу 9/22 октября 1918 г. № 113, аналогичная в Лондон. *АВПРИ*. Л. 123, 62, 108.

¹⁰ М.Н. Гирс – Послу 7 октября 1918 г. № 104. *ГАРФ*. Ф. 10003. Оп. 2. К. 5.

¹¹ В.А. Маклаков – послу в Вашингтоне 11 октября 1918 г. № 308. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 123.

¹² Обрывок письма В.А. Маклакова без указания адресата № 186. *ГАРФ*. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

¹³ П.В. Вологодский – В.А. Маклакову 13/26 октября 1918 г. № 13. *Там же*. Д. 8. Л. 8.

министра Э. Бенеша (от 15 и 21 ноября) на обращение Маклакова¹⁴. В первом из них, поставив своё решение в зависимость от политики союзников, прежде всего Франции и Великобритании, глава пражского МИД предложил отложить рассмотрение этого вопроса. Желая подсластить пилюлю, он писал, что представителю Праги в России уже сообщено, что он сохранит свои функции в Омске, и должен быть готов перейти на официальное положение сразу по признанию Чехословакией России, которое произойдёт одновременно с союзниками. Однако неделей позже Бенеш подготовил другой ответ, где были устранены указания на зависимость чехословацкой политики от Антанты, а пассаж о представителе Праги в Омске дополнен предложением создания зеркальной ситуации: министр выразил готовность принять русское представительство, деятельность которого до момента признания должна была протекать неофициально.

Непонятно, на каком основании вернувшееся к этому вопросу правительство Колчака указом от 17 января 1919 г. решило назначить В.Г. Жуковского чрезвычайным посланником и полномочным министром в Прагу¹⁵, но и этот шаг не возымел положительного последствия. Жуковский остался в Омске в должности товарища министра иностранных дел, по-видимому, ожидая агромана чехословацкого правительства. Летом 1919 г. за разрешение вопроса принялся министр иностранных дел Омского правительства С.Д. Сазонов. Опытный дипломат не стал настаивать на немедленном решении проблемы, уже достаточно запущенной и «испорченной» некомпетентным вмешательством. Воспользовавшись предложением Бенеша, он направил в Прагу неофициальную миссию. Об участии в ней Жуковского в ранге чрезвычайного посланника речи не шло. Миссию возглавил скромный чиновник МИД В.Т. Рафальский в качестве консула и временного поверенного в делах¹⁶. Но это произошло позже. А пока власти Сибири продолжали выступать с инициативами в вопросе установления дипломатических отношений.

В начале ноября 1918 г. управляющий МИД Директории Ю.В. Ключников решил, что прекращение деятельности местных властей и передача сибирским правительством своих полномочий Всероссийскому должна продвинуть вопрос о его международном признании. Он поручил послу в Токио В.Н. Крупенскому прозондировать возможность изолированного признания Японией Омского правительства, на случай дальнейшего затягивания союзными державами признания¹⁷. Однако и эта попытка не увенчалась успехом: от правительственных кругов Страны восходящего солнца посол получил обещание обсудить этот вопрос с союзниками, но только после получения информации от своих агентов в Сибири¹⁸.

¹⁴ *Archiv ministerstva zahraničních věcí (AMZV)*. F. Pařížský archiv. Kart. IX.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 97. Л. 57.

¹⁶ AMZV. F. Pařížský archiv. Kart. IX.

¹⁷ Секретная телеграмма послу в Токио 7 ноября 1918 г. № 42/209. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 555. Л. 57.

¹⁸ Телеграмма российского посла в Токио в МИД от 9 ноября 1918 г. № 327. Там же. Л. 58.

14 ноября правительство Великобритании приняло решение признать Директорию как правительство де-факто. А.В. Шмелёв привёл мнение английского историка Р. Уллмана о том, что подразумевалось признание в качестве местного правительства. Когда готовилась поздравительная телеграмма по этому поводу, в Омске произошёл переворот, и уже 19 ноября товарищ английского министра иностранных дел Р. Сессиль сказал Набокову: «Мы были готовы признать Директорию. Она насильственно смещена. Кто может поручиться, что не произойдёт через три недели того же самого с Колчаком?» (Шмелёв 2017: 25) .

Борьба за признание правительства Колчака

Окончание войны кардинально изменило обстановку в мире и в Европе. Проблема защиты интересов России в ходе мирной конференции из области теоретической переключалась в сферу неотложной практической деятельности. Это сделало вопрос признания русского правительства для белых политиков архиважным и неотложным. Прекращение военных действий, возможность установления связи с европейской Россией вывели на международную арену ещё одну крупную силу антибольшевистской борьбы – Добровольческую армию генерала Деникина.

К тому времени у работавших за рубежом дипломатов сформировались противоречивые представления о ситуации в России и состоянии проблемы признания. Легко переходил из одной крайности в другую В.А. Маклаков. На следующий день после переворота в Омске, ещё не имея сведений о нём, Маклаков полагал, что «в связи с событиями Юга и донесениями с мест» в вопросе признания наступил поворот к лучшему. Посол легко верил авансам, которые делали ему представители стран Антанты, убеждавшие дипломата, что как только состоится соглашение Омска с Екатеринодаром и «будет доказана наша [Белой России – Е.М.] способность ставить национальный вопрос выше партийных», главные колебания исчезнут¹⁹. Всего несколько дней спустя он пришёл к выводу, что приход Колчака к власти задержит международное признание, советовал адмиралу успокоить западные правительства и общественное мнение заявлением о том, что власть им взята для восстановления порядка и объединения России в ожидании созыва Учредительного собрания. Коллегу в Вашингтоне, Б.А. Бахметева, Маклаков просил принять все меры, чтобы в Америке ноябрьский переворот не был истолкован как «торжество реакционных офицеров и удар по демократии»²⁰.

¹⁹ В.А. Маклаков в МИД в Омск 19 ноября 1918 г. № 398. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 319.

²⁰ В.А. Маклаков в МИД в Омск 24 ноября 1918 г. № 418. *Там же*. Л. 342.

К.Д. Набокова осенью 1918 г. беспокоили партийные распри в Сибири. Его не обрадовало появление на политической сцене «екатеринодарской группы»; Константин Дмитриевич считал, что она куда более правая, чем те силы, что взяли власть в Омске, и боялся новых осложнений как раз в тот момент, когда антибольшевики должны были выглядеть сплочёнными в глазах союзников. «При продолжающемся внутреннем разладе у нас мы никогда не добьёмся признания всероссийской власти», – писал он²¹. Передав в Париж сентенцию английского министра иностранных дел «трудно признать русское правительство, если [в нём – Е.М.] будут происходить столь частые и крутые перемены», дипломат рекомендовал взять паузу, до времени не возбуждать этот вопрос и продолжать «работать в согласии с находящимися в Сибири военными и дипломатическими представителями Англии»²². М.Н. Гирс считал гарантией признания только слияние Омского с другими правительствами России, преследовавшими сходные цели²³. На решении этой задачи дипломаты, в союзе с русскими общественниками Парижа, и сконцентрировали свои усилия. Результатов удалось добиться лишь весной 1919 г., когда сначала Северное, а потом и правительство Юга России подчинятся Омску (Thompson 1966: 269).

На состояние вопроса, естественно, влияла и политика Москвы. Внешнеполитические органы Советской республики активно включились в борьбу за установление любых контактов с бывшими союзниками России. НКВД раз за разом направлял ноты Верховному военному совету Антанты и президенту США, обращался к бывшим союзным и нейтральным государствам – всего с момента окончания Первой мировой войны такого рода попыток было 11 (Сергеев 2019: 208). Хотя, как правило, эти послания не получали ответа, они не могли не производить впечатления на политические круги Запада. Кроме того, в отличие от нестабильности, которую демонстрировали антисоветские правительства в России, большевики проявили поразительную устойчивость, сумели овладеть ситуацией на подконтрольной им территории. Чуть позже главы Великобритании и США проявят склонность к тому, чтобы рассматривать Советы как фактическое правительство России, даже будут обсуждать возможность приглашения их представителей на мирную конференцию. В отличие от англосаксов, французы в принципе выступали против участия России в форуме, однако в противниках большевиков склонны были видеть силы, которые представляли Россию. Так, генерал Франше д'Эспере на заседании конференции 21 января заявил, что «Львов и Сазонов – лучшие и самые авторитетные русские люди»²⁴.

²¹ К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 18 ноября 1918 г. № 149. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 315.

²² К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 25 ноября 1918 г. № 170. *Там же*. Л. 348.

²³ М.Н. Гирс – В.А. Маклакову 30 ноября 1918 г. *ГАРФ*. Ф. 10003. К. 86. Р. 5.

²⁴ *Там же*. С. 298.

Нежелание сотрудничать со сторонниками возрождения старой России, прорывавшееся то в одном, то в другом вопросе, не мешало, однако, союзным правительствам не только создавать свои представительства в Омске, но и давать руководителям Белого движения весьма далекоидущие обещания о признании и участии в конференции. Ключников вспоминал целый ряд заявлений ответственных государственных деятелей союзных стран по этому поводу: французского посла Нуланса в речи, произнесённой им на торжественном заседании Архангельской городской думы, сэра Джона Элиота на банкете во Владивостоке, генерала Жанена, профессора Массарика и др.²⁵ Эти деятели были далеки от тиши кабинетов европейских столиц. Трудно сделать вывод, давали они обещания, сознательно вводя контрагентов в заблуждение, или искренне верили в свои слова. Так или иначе, но подобные авансы серьёзно осложняли русским оценку ситуации.

Аналогичные заверения, звучавшие в Париже, приходится рассматривать как сознательную деятельность по дезориентации, по удержанию контрагентов в мире иллюзий. Противоречивые заявления представителей союзников накладывались на типичные для российской дипломатии XIX – начала XX вв. опасения «враждебности», «неискренности» государств Старого Света и Японии (Цветков 2009: 430). Русский заграничный корпус в этих условиях то испытывал подъём от предчувствия близкого успеха, то переходил к разочарованию, понимая, что признания не будет.

В конце января 1919 г. С.Д. Сазонов пришёл к пониманию, что отсутствие в России единой власти стало основанием для отказа в признании Омского правительства, без которого «невозможно добиться участия в работах конференции даже на официозных началах»²⁶. Наиболее ярко истинное отношение победителей к ситуации в России нашло своё выражение в идее проведения конференции на Принцевых островах с участием всех политических сил страны, в том числе и большевиков. На месяц основное внимание русских в Париже было переключено на борьбу с этим проектом. В этой ситуации Омское правительство предпочло, сохраняя достоинство, временно снять вопрос о признании с повестки дня²⁷. Во второй половине февраля, когда эта угроза была устранена, вопрос об участии представителей России в мирной конференции уже не стоял. А проблема признания своего значения отнюдь не утратила, напротив, стала более насущной. Союзники решать её не торопились.

²⁵ Русское представительство на мирной конференции (беседа с Управляющим МИД Ю.В. Ключниковым) б/д, декабрь 1918 г. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

²⁶ С.Д. Сазонов – А.А. Нератову 28 января 1919 г. LRA, MS 780/10; Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел и в Екатеринодар (передает телеграмму Сазонова) 30 и 28 января 1919 г. № 147 ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Оп. 1. Д. 115. Л. 8; Оп. 1. Д. 617. Л. 53; Ф. 6851. Оп. 1. Д. 33. Л. 193.

²⁷ И.И. Сукин И.Г. Лорис – Меликову б/д, ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 28.

В обстановке отсутствия признанного на международной арене правительства, в Париже ещё в декабре 1918 г. было создано Русское политическое совещание (далее – РПС) как паллиатив власти, от имени которого могла бы действовать на конференции делегация, представляющая интересы России. Едва пройдя период становления, этот орган подал мирной конференции заявления о признании Омского правительства Всероссийским²⁸ и о своей готовности представлять интересы России на равных с прочими державами. Однако эти декларации были оставлены без ответа. Дипломаты и далее не упускали эту проблему из поля зрения. Как только вопрос с конференцией на Прикипо был закрыт, Б.А. Бахметев представил помощнику президента Вильсона Э.М. Хаусу меморандум, в котором аргументы белых в пользу признания излагались в новых терминах, предназначенных для обращения к либералам Запада (Thompson 1966: 280).

Подвижки в рассмотрении проблемы, волновавшей всё Белое движение, начались лишь в апреле 1919 г. Сазонов характеризовал общее политическое положение в тот период как крайне неустойчивое. Переворот в Венгрии и его связь с Москвой приводили западных политиков к мысли о мировой революции. Министр признавал, что борьбу с этой угрозой парализовывала усталость союзных армий и социальное напряжение в странах Антанты. Он указывал на то, что левые элементы добились от итальянского, французского и английского правительств официальных заявлений об отказе от военных экспедиций в Россию. Взамен союзники пытались выдвинуть идею кордона из Румынии, Польши и Чехословакии. На повестку дня был поставлен вопрос о военной помощи этим странам для борьбы с распространением большевизма²⁹.

Между тем с марта 1919 г. в России успешно развивалось наступление Колчака, получившее образное наименование «Бег к Волге». В сложившихся обстоятельствах, казалось бы, белые имели основание ожидать признания. Однако С.Д. Сазонов в начале апреля констатировал, что «отношение всех союзных держав к Омскому правительству пока сдержанное». Он писал, что «отсутствие веры в его прочность и доверия к нему не позволяли ожидать скорого признания или даже открытой солидаризации»³⁰. Ходили слухи о том, что привезённые американцами из Москвы мирные предложения Ленина выдвинули на повестку дня вопрос о признании советского правительства³¹. Это беспокойство разделял С.А. Угет, бывший в тот момент поверенным в делах в Вашингтоне, которого настораживало усиленное комментирование американской прессой слухов из Парижа о вероятном признании советской власти Англией и Аме-

²⁸ Циркуляр князя Львова от 3 января 1919 г. ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 1. Д. 148. Л. 17.

²⁹ С.Д. Сазонов 7 апреля 1919 г. № 622. АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1542. Л. 207.

³⁰ С.Д. Сазонов – И.И. Сукину 3 апреля 1919 г. № 598. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 498.

³¹ К.Д. Набоков на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 163. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 102.

³² С.А. Угет – С.Д. Сазонову 2 апреля 1919 г. № 336. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 465.

рикой³². К.Д. Набоков писал, что за признание большевиков выступает Вудро Вильсон, и эта позиция находит поддержку некоторых видных членов английской делегации на Версальской конференции³³. Среди аргументов сторонников установления дипломатических отношений с Москвой он называл недостаточную сплочённость антибольшевиков, отсутствие уверенности в успехе наступления Юденича даже при союзной поддержке, давний тезис о реакционности Белого движения³⁴. В связи с этим дипломат просил РПС в ближайшие дни повторить декларацию объединённого правительства о принципах борьбы с большевиками, указать, что большевизм надо уничтожить в центре его распространения, т.е. в Петрограде и Москве³⁵. В свою очередь, С.А. Угет рекомендовал организовать интервью адмирала Колчака или Вологодского «с представителем «Ассошиэйтед пресс», выдержанное в духе широкой американской публики»³⁶. Подводя итог заочной дискуссии, Сазонов обратил внимание Омского правительства на слабость Движения и опасность в этой обстановке потворствовать всяким стремлениям к поискам новых ориентаций³⁷.

В свою очередь РПС, осознавая необходимость сплочения Белого движения для признания правительства Колчака, продолжил проводившуюся со второй половины 1918 г. линию на сплочение сил. Совещание выступило с призывом к центрам антибольшевистской борьбы об официальном признании правительства в Омске «объединяющей и главенствующей властью» в качестве Временного всероссийского национального правительства³⁸. С задачей решить этот вопрос делегация РПС выехала на юг России. 30 апреля Архангельское, а 20 мая Екатеринодарское правительства заявили о своём подчинении Колчаку.

Между тем с инициативой сближения с «национальной» Россией выступило правительство новообразованного, но так и не получившего признания из-за продолжавшихся территориальных споров с Италией Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее КСХС). В конце марта в Омск прибыл эмиссар Белграда Й. Миланкович, который просил о принятии его в качестве дипломатического представителя³⁹. 1 апреля посланник в Афинах Е.П. Демидов сообщил, что возвращавшийся из Парижа королевич Александр Сербский выказал намерение «принять почин по вопросу о признании Российского правительства в Омске»⁴⁰. Во время переговоров в Париже с министром иностранных дел Коро-

³² К.Д. Набоков на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 163. Там же. Л. 102.

³³ Секретная телеграмма поверенного в делах в Лондоне на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 172. Там же. Л. 110.

³⁴ Секретная телеграмма К.Д. Набокова на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 172. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 110.

³⁵ Секретная телеграмма С.А. Угета на имя министра иностранных дел 19 апреля 1919 г. № 420. Там же. Д. 547. Л. 1.

³⁶ С.Д. Сазонов – мининдел в Омск 25 апреля 1919 г. № 799. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 881.

³⁷ Копия секретной телеграммы посла в Париже на имя министра иностранных дел 24 апреля 1919 г. № 793. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 100.

³⁸ Копия секретной телеграммы товарища министра иностранных дел Г.В. Жуковского на имя посла в Париже. Для Сазонова 5 апреля 1919 г. № 55. Там же. Д. 396. Л. 12.

³⁹ Е.П. Демидов – В.А. Маклакову 1 апреля 1919 г. № 121. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 498.

левства С.Д. Сазонов очень осторожно затронул вопрос о взаимном признании правительств. В Омск он написал по этому поводу, что «проявление славянской солидарности в настоящую минуту особенно желательно»⁴¹.

Е.П. Демидов, воодушевлённый результатами встречи с королевичем Александром, в середине апреля предложил инициировать обсуждение этого вопроса с греческим правительством: «Налаживающееся признание КСХС Омского правительства, – писал он министру в Париж, – могло, казалось бы, побудить и союзное Греческое правительство к такому решению. Если Вы считаете это, как я, желательным, мог бы затронуть вопрос с МИД, хотя полагал бы более практичным, чтобы Вы непосредственно переговорили на сей счёт с Венезелосом, постоянно выражавшим мне сочувствие и уверенность в скорейшем восстановлении России»⁴². Однако Сазонов посчитал такой демарш преждевременным⁴³. Видимо, он отдавал себе отчёт в том, что Греция в этом вопросе не займёт независимую позицию. КСХС и в самом деле в апреле 1919 г. признало Омское правительство и установило с ним дипломатические отношения. Оно стало первым и единственным государством, признавшим Колчака⁴⁴.

Мировые лидеры тем временем продолжали выдерживать паузу, указывая на то, что власть в России должна окрепнуть и доказать свою состоятельность. Думается, на самом деле Западу не нравились тенденции развивавшиеся в антибольшевистском движении. Среди тех, кто собрался в Версале, идеалистов не было. Шмелёв справедливо пишет, что там «речь шла не о демократизме, либерализме и справедливости, а о разделе мира, о власти и сферах влияния» (Шмелёв 2017: 44). Выдвинутый белыми лозунг «Великой, Единой и Неделимой России в границах 1914 г.» никак не мог импонировать западным державам, у которых появилась возможность ослабить одну из сильнейших соперниц в Старом Свете.

Надо признать, что для держав рассмотрение этого вопроса и в самом деле было непростым. Односторонний классовый подход советской историографии, ограничивавшийся тезисом о безусловной поддержке буржуазными правительствами русских антибольшевиков, не выдерживает критики. Попытаемся представить себе, что видели перед собой мировые лидеры, с чем им приходилось иметь дело.

Россия в тот период была представлена, как минимум, тремя крупными силами: доказавшей свою устойчивость советской властью, противостоявшим ей Белым движением и поднявшим голову сепаратизмом окраин, которые боялись распространения на их территории большевизма и одновременно стремились получить преференции в условиях ослабления России.

⁴¹ Копия секретной телеграммы министра иностранных дел С.Д. Сазонова на имя управляющего министерством И.И. Сукина 8 апреля 1919 г. № 650. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 396. Л. 10.

⁴² Е.П. Демидов – В.А. Маклакову. Для Сазонова. 13 апреля 1919 г. № 148. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. Р. 3.

⁴³ С.Д. Сазонов – Е.П. Демидову 21 апреля 1919 г. № 758. Там же.

⁴⁴ Лишь черногорский король Николай от имени своей, изгнавшей его, страны объявил, что признаёт правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, «как единое представляющее Россию». См.: В.А. Маклаков в МИД в Омск № 1141, копия А.А. Нератову № 5 29 мая 1919 г. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 354. Л. 84.

Державы ещё в конце 1917 – начале 1918 г. отказались признать большевиков. Наверное, их политики предпочли бы, чтобы в России восторжествовали силы порядка, под которыми, конечно, понимались не большевики. Однако в позиции лидеров антибольшевистских сил Западу явно не хватало «реализма», готовности торговаться, покупать помощь уступками, в том числе сдачей позиций страны в мире. Имея собственные интересы в регионе, союзники отчасти поддерживали сепаратистов, давали им определённые заверения.

Поворот в настроениях великих держав наметился в конце апреля 1919 г. Совет четырёх⁴⁵ отдавал себе отчёт как в невозможности установить прочный мир и утвердить новую конфигурацию Европы до тех пор, пока в России продолжалась Гражданская война, так и решить без участия России вопросы, касавшиеся её интересов в делах Запада и Востока⁴⁶. К тому времени лидеры держав убедились в невозможности ни договориться с большевиками, ни оказывать на них влияние. С.Д. Сазонов считал, что среди прочих факторов решающее значение имели военные успехи Сибирской и Добровольческой армий. Проанализировав ситуацию, с дистанции прошедших лет с ним согласился А.В. Шмелёв: «Именно возможность быстрой победы белых весной 1919 г. взволновала союзников: они боялись опоздать к триумфу белых и таким образом перекрыть себе дорогу к участию в нём» (Шмелёв 2017: 52). Державы были вынуждены обратиться к рассмотрению проблемы. Впрочем, сначала, в первых числах мая, они признали независимость Финляндии.

Во второй половине мая правительство Японии неожиданно выступило с инициативой признания Омска. Через своих представителей в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Риме, как писал в Париж посол В.Н. Крупенский, Токио обратился к правительствам четырёх держав с предложением приступить к обсуждению условий признания русского Омского временного правительства. Со своей стороны, Япония выставила лишь обычное условие принятия на себя новой властью всех долгов и международных обязательств её законных предшественников (до большевистского переворота).

Опытный и осторожный русский представитель в Токио не спешил передавать эти сведения коллегам – видимо, проверял их достоверность⁴⁷. Но 21 мая о такого рода сообщениях японских послов донесли Н.А. Кудашев из Пекина, К.Н. Гулькевич из Стокгольма⁴⁸.

⁴⁵ Совет четырёх – негласное объединение лидеров ведущих стран антигерманской коалиции на Парижской мирной конференции: Вудро Вильсона (США), Дэвида Ллойда Джорджа (Великобритания), Витторио Орландо (Италия) и Жоржа Клемансо (Франция).

⁴⁶ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 17 июня 1919 г. № 68. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

⁴⁷ В.Н. Крупенский – министру 22 мая 1919 г. № 189. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1309; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334 Л. 89.

⁴⁸ Секретная телеграмма Н.А. Кудашева на имя министра иностранных дел 21 мая 1919 г. № 383; К.Н. Гулькевич министру 21 мая 1919 г. № 254. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1285, 1291.

В России тогда зрела уверенность в скором слиянии восточного и южного фронтов, а значит, и в объединении правительств. Глава денкинского Управления внешних сношений уверял, что никаких недоразумений при этом слиянии не произойдёт, он даже сообщил текст, заготовленный для объявления об этом событии⁴⁹.

В конце мая Совет четырёх отложил все срочные дела и обратился к рассмотрению «русского вопроса».

В общественном сознании Белой России, а вслед за ним и во многих исторических работах, меморандум союзников конца мая 1919 г. и последовавшие за тем переговоры рассматриваются как обсуждение вопроса о признании правительства Колчака. Сазонов писал в Омск 27 мая 1919 г.: «Получил сведения, что совет четырёх в Париже решил признать правительства адмирала Колчака на следующих условиях...»⁵⁰, а советский историк Б.Е. Штейн называл в этой связи Ллойд Джорджа и Вильсона инициаторами признания Колчака (Штейн 1949: 231).

Между тем меморандум, с которым главы держав обратились к Омску, ни слова о признании не содержит. Кроме того, так и остался открытым вопрос, в качестве какого правительства, регионального – Сибири, или всё же Всероссийского если не предполагалось, то допускалось признание омских властей. Исследовавшие этот вопрос западные историки склонялись к выводу о признании в качестве правительства Сибири (Ullman 1968: 231). Столкновения с русской точкой зрения о Всероссийском характере власти Колчака не произошло потому, что в практическую плоскость признания как такового вопрос, так и не был поставлен.

Сазонов в мае 1919 г. не ожидал обращения конференции к рассмотрению русского вопроса. В то время он находился в Лондоне, где вёл весьма его удовлетворившие переговоры с различными политическими силами Англии. Союзники между тем не только не посчитали нужным передать выработанный документ через официальных представителей Колчака в Париже, но и ввести их в курс дела⁵¹.

Руководство Корпуса узнало о происходящем по своим каналам. Гирс личной телеграммой поспешил сообщить министру стоявшие на обсуждении условия меморандума, сформулированные в секретариате Ллойд Джорджа:

1. Созыв Учредительного собрания сразу после взятия Москвы. В случае невозможности в этот момент проведения всеобщих выборов, временно должно быть собрано Учредительное собрание 1917 г.;

⁴⁹ Бар. Искуль – министру 22 мая 1919 г. № 213. Там же. Л. 1285, 1308.

⁵⁰ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 27 мая 1919 г. № 252. ГАРФ. Ф. 200 Оп. 1. Д. 334. Л. 76.

⁵¹ Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел от 29 мая 1919 г. № 1140. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 336. Л. 125.

2. Проведение земских и городских выборов;
3. Обязательство не допускать классовых привилегий;
4. Границы Польши и Финляндии определяются третейским судом Лиги Наций;
5. Вопрос об Эстонии, Латвии и Литве будет решён непосредственными переговорами при содействии Лиги Наций;
6. Обязательство войти в Лигу Наций и подчиниться общим мерам ограничения вооружений⁵².

Интересно, что в этой записке нет требования признать долги добольшевистских правительств.

Совет четырёх к представленному документу отнёсся сочувственно, но не принял решения ввиду отсутствия представителя Японии⁵³.

Ознакомившись с сообщением из Парижа, министр был в ярости: «Нахожу поставленные условия неприемлемыми как нарушающие суверенные права России»⁵⁴, – поделился он первым впечатлением с тем из коллег, кому доверял безусловно – Гирсом. Не смог он скрыть своего разочарования и перед лордом Керзоном, взявшим на себя труд ознакомить пребывавшего в Лондоне русского министра с текстом, одобренного Советом пяти⁵⁵ меморандума. Глава английского внешнеполитического ведомства констатировал, что Сазонов «далёк от того, чтобы проявлять какое-либо удовлетворение по поводу предполагаемого признания со стороны Держав». Похоже, его неприятно удивила склонность последнего «придираться к условиям и требовать для адмирала Колчака права их изменения или пересмотра»⁵⁶. В начале июня у Клемансо появились какие-то основания говорить на Совете четырёх о том, что Сазонов категорически против меморандума, который послан Колчаку⁵⁷.

Сомнения возникли не только у министра. Свои замечания озвучил представителю Форин-офис и Набоков. Особенно его беспокоило упоминание о возможности созыва Учредительного собрания 1917 г., в составе которого заметную роль играли большевики, депутатами которого были, в числе прочих, Ленин и Троцкий⁵⁸.

⁵² В.А. Маклаков – С.Д. Сазонову в Лондон 26 мая 1919 г. передаёт личную телеграмму М.Н. Гирса № 1111. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1356.

⁵³ Там же.

⁵⁴ С.Д. Сазонов – М.Н. Гирсу 27 мая 1919 г. № 257. Там же. Л. 1370.

⁵⁵ Главный рабочий орган Версальской конференции. В его состав входили представители США, Великобритании, Франции, Италии и Японии.

⁵⁶ Примечание к телеграмме л. Керзона сэру С. Элиоту (Владивосток) №44[85208/11/57] от 11 июня 1919 г. *DBFR*. Vol. 3. P. 360.

⁵⁷ Extract from Motes of a Meeting held at President Wilson Cs House in the Place des Etats-Unis, Paris, June 3. *DBFR*. Vol. 3. P. 342.

⁵⁸ Телеграмма л. Керзона сэру С. Элиоту (Владивосток) №44[85208/11/57] от 11 июня 1919 г. *DBFR*. Vol. 3. P. 360.

Впрочем, мировые лидеры прекрасно понимали, что они делали. Англичане стремились вбить клин между Колчаком и его дипломатической службой. Набоков донесением от 5 июня сообщил о беседе с помощником статс-секретаря по иностранным делам, который счёл нужным привести целую серию аргументов в пользу того, чтобы Омск дал удовлетворительный ответ⁵⁹. А Ллойд Джордж, получивший сообщение о недовольстве Сазонова выставленными союзниками условиями, дал распоряжение британским представителям в Омске убедить Колчака не слушать своего министра иностранных дел⁶⁰.

С.Д. Сазонов быстро взял себя в руки. Уже на следующий день по получении телеграммы Гирса он писал: «...мы должны очень осторожно взвесить выражения нашего ответа на требования, которыми Державы желают обусловить *признание правительства адмирала Колчака* [здесь и далее выделено автором – Е.М.], чтобы, отстаивая наши интересы по существу, не оттолкнуть от себя благожелательные к нам круги резкостью по форме»⁶¹. Он нашёл понимание в Париже. Пройдя сложный путь, его коллеги тоже научились реально смотреть на вещи: «Как бы предложение Держав не было неприемлемо в виде, в каком оно сделано, – телеграфировал Маклаков, – самый факт подобного обращения должен рассматриваться как определённый сдвиг в нашу сторону, который путём переговоров можно использовать для достижения постановки вопроса для нас приемлемой»⁶².

Министр срочно собрался в Париж, написал в Омск, что сразу после ознакомления с точным текстом заявления держав сообщит проект ответа, а до того момента просил воздержаться от каких-либо заявлений иностранным представителям⁶³.

Действительность превзошла его ожидания. В тот ответственный момент разобщённость центров антибольшевистской борьбы достигла пика, чем не преминули воспользоваться контрагенты.

Проигнорировав и состоявшееся объединение антибольшевистских центров в России, и русское дипломатическое представительство, союзники передали текст своего заявления всем главам русских правительств через свои каналы. Колчаку он был вручён французским представителем в Омске Мартелем, причём времени на рассмотрение предоставлено не было. Апеллируя к тому, что вопрос должен быть решён до отъезда Вильсона в Америку, французский представитель потребовал немедленного ответа.

⁵⁹ К.Д. Набоков – министру 5 июня 1919 г. № 276 Срочная. Личная. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1500.

⁶⁰ Extract from Motes of a Meeting held at President Wilsor Cs House in the Place des Etats-Unis, Paris, June 3. *DBFR*. Vol. 3. P. 342.

⁶¹ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 28 мая 1919 № 260. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1394; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 90.

⁶² Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел от 29 мая 1919 г. № 1140. *ГАРФ*. Ф. 200. Оп. 1. Д. 336 Л. 125.

⁶³ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 28 мая 1919 г. № 260. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1394.

Оставаясь в неведении об интриге, Сазонов ещё до отъезда из Лондона набросал свои замечания по существу обращения конференции. Вернувшись 3 июня в Париж, министр зафиксировал свои наброски в форме официального ответа. Этот документ он переслал в Омск на утверждение. Настаивая на крайней важности следовать общепринятому «в международных сношениях правилу, согласно которому заявления иностранным правительствам делается всегда через своих представителей при последних»⁶⁴, он настаивал на том, что ответ державам должен быть передан в Париже через него.

В преамбуле своего ответа на вопросник держав русский министр постарался расставить все точки на «і», оговаривая, что русское правительство понимает обращение держав как «намерение *признать* правительство адмирала Колчака *Всероссийским правительством*». То есть, с одной стороны, определял намерения держав как признание, с другой – подчёркивал статус правительства как Всероссийского, а не местного.

По существу сформулированных союзниками пунктов он предлагал ответить следующее:

1. Правительство уже неоднократно заявляло о твёрдом намерении созвать при первой возможности Учредительное собрание, но Учредительное собрание, выбранное под большевистским режимом, не может быть созвано даже временно.

2. Всюду, где распространяется власть адмирала Колчака и нет военных действий, городские и земские учреждения уже восстановлены и действуют, то же будет повсюду по мере очищения территории, причём будут допущены и новые выборы в означенные учреждения.

3. Гражданская и религиозная свобода составляет основной принцип Временного правительства, не стремящегося восстановить классовые привилегии.

4. Независимость Польши в этнографических границах уже признана Россией. Независимость Финляндии может быть законно освящена только Учредительным собранием, при обеспечении безопасности России. Разграничение с Россией должно быть установлено непосредственными переговорами. Если соглашение не будет достигнуто, можно прибегнуть к дружескому содействию Лиги Наций, если Россия будет в ней участвовать.

5. В новой России инородцы, оставаясь в составе Русского государства, будут обеспечены режимом, являющимся их национальным стремлением с сохранением прав меньшинства. Пределы и формы автономии будут определены Учредительным собранием, на право которого правительство не может посягать. Россия может воспользоваться для улаживания возможных затруднений советами и сотрудничеством Лиги Наций. Пока новый «модус вивенди» не бу-

⁶⁴ Телеграмма С.Д. Сазонова ген. Миллеру 8 июня 1919 г. № 1180. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 352. Л. 73-74; Д. 334. Л. 67.

дет установлен для окраин, Русское Правительство будет «временно считаться с нынешним положением, не возражая на признание автономии союзных держав, с фактическими властями этих местностей» [так в тексте – *Е.М.*], однако без предрешения будущего.

6. В уездах Бессарабии с молдавским большинством население может быть опрошено по вопросу о присоединении к Румынии. Но опрос может быть произведен лишь с согласия Русского Учредительного собрания, и с полным соблюдением беспристрастности под контролем Лиги Наций.

7. Россия готова вступить в Лигу Наций, но лишь на равных условиях с пятью великими державами. Россия будет охотно сотрудничать с Лигой по вопросам ограничения вооружений, и сама сообразует в одинаковой с другими великими державами мере, с решениями, которые будут приняты сообща.

Согласно всем прежним заявлениям, Россия, несомненно, примет уплату по всем государственным долгам до большевистского переворота⁶⁵.

Изучение этого документа показывает, что министр сформулировал взгляды, которые бытовали в среде русских политиков в Париже, ранее высказывались в той или иной связи, и не сделал ни одной дополнительной уступки. Сообразно задачам, которые Омск неоднократно ставил перед дипломатическими представителями, Сазонов стремился оттянуть разрешение большей части вопросов до выборов нового Учредительного собрания, которые могли стать возможными только после разгрома большевиков. Министр допускал участие Лиги Наций в рассмотрении многих спорных вопросов, как на том настаивали союзники, но только в случае, если Россия войдёт в неё на равных условиях с великими державами. И наконец, самый больной вопрос – о федерализации унитарного прежде государства. В представлениях русских политиков в Париже и военного командования на родине по этой проблеме существовал значительный разрыв. В марте 1919 г. русская делегация без согласования с центром подавала председателю мирной конференции меморандум, допустивший изменения в государственном устройстве будущей России. Колчак был раздражён, запретил печатать этот документ в Сибири, но не дезавуировал. Деникин и полгода спустя считал слово «автономия» запретным на своей территории⁶⁶.

Через несколько дней оказалось, что Сазонов зря спешил в Париж и торопился с подготовкой ответа. Ещё совсем недавно министр, ссылаясь на крайнюю медлительность сношений, настаивал на своём праве иногда «действовать сообразно с требованиями здешней обстановки» без согласования с правительством⁶⁷. Теперь Омск, посчитав, что «всякое промедление не оправдывалось бы

⁶⁵ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя председателя Совета министров от 3 июня 1919 г. № 1180. Там же. Д. 334 Л. 67.

⁶⁶ «Совершенно лично и доверительно!»... С. 232.

⁶⁷ Министр – В.А. Маклакову 27 мая 1919 г. № 254. Копия в Омск. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1367.

обстоятельствами и, имея в виду существование неоспоримых основных принципов»⁶⁸, не стал советоваться с парижским центром. Правительство Колчака самостоятельно подготовило ответ и передало его французскому представителю в день получения меморандума – 3 июня.

Сазонову в этой ситуации предлагалось настоять на том, чтобы ответ Колчака рассматривался как связывающий все «национальные» центры России и не требующий дополнительных подтверждений и переговоров с Архангельском и Екатеринодаром⁶⁹.

Подготовленный управляющим МИД И.И. Сукиным «ответ Колчака», сильно отличавшийся по форме от проекта Сазонова, по сути, от «неоспоримых основных принципов» не отходил. В целом он удовлетворил оставшегося за бортом его подготовки министра. Последний отметил только три более или менее серьёзных просчёта молодого дипломата, и прежде всего то, что он упустил возможность «поймать контрагентов на слове», не уточнив, что русские власти понимают обращение союзников как начало процесса признания. Кроме того, он отметил отсутствие указаний на то, что независимая Польша признаётся в этнографических пределах, а независимость Финляндии обусловлена решением будущего Учредительного собрания. Впрочем, в ноте Колчака говорилось только об автономии Финляндии наряду с балтийскими окраинами и Кавказом. Позже сам Сукин выделил ещё несколько аспектов, ответов на которые нота Омского правительства не содержала. Молчанием был обойдён вопрос о плебисците для Бессарабии, о признании временных соглашений союзников с «национальными группировками» в России, о равноправии с великими державами в Лиге Наций. Он объяснял эти упущения нежеланием предрешать ход дальнейших переговоров. По его словам, «ответ был составлен так, чтобы правительство ничего не проиграло от своего заявления, даже если бы и не последовало признания»⁷⁰. В телеграмме представителям Колчака на Дальнем Востоке и в США он подчёркивал, что его ответ содержит суммарное повторение прежних деклараций по внешней и особенно по внутренней политике. В нём нет никаких уступок, он «вполне сохраняет национальное достоинство России и выдержан в демократическом тоне»⁷¹. Впрочем, управляющий омским МИД писал это уже в середине июня, после ответа союзников.

Сазонов был раздражён предпринятым Колчаком шагом и не стал более комментировать обмен нотами между западными державами и Омском, так же как и его последствия.

⁶⁸ Черновик телеграммы Адмирала Колчака С.Д. Сазонову 3 июня 1919 г. ГАРФ Ф. 200. Оп. 1. Д. 333. Л. 24.

⁶⁹ Телеграмма Адмирала Колчака С.Д. Сазонову 3 июня 1919 г. Там же.

⁷⁰ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 17 июня 1919 г. № 477. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 126.

⁷¹ И.И. Сукин – российским представителям в Токио, Пекине и Вашингтоне, советнику МИД на Дальнем Востоке 1 июня 1919 г. Там же. Д. 333. Л. 40.

Занятые мирным договором с Германией, представители держав только 12 июня отправили Колчаку ответную телеграмму. На фоне успехов колчаковского наступления главы держав сочли ответы Омска удовлетворительными, но о признании ни в качестве Всероссийского, ни даже местного правительства речи не шло. Была выражена лишь готовность предоставить антибольшевистскому движению помощь продовольствием и снаряжением для того, чтобы оно укрепилось как правительство всей России (Черчилль 1932: 116–118).

На сей раз Сазонов был своевременно предупреждён о содержании ответа и заранее старался смягчить то разочарование, которое он должен был вызвать в Омске. Министр сообщил Колчаку, что предпринятый демарш «рассматривается общественным мнением, как поворот политики по отношению к России»⁷² и предлагал относиться к нему как этапу на пути признания. Одновременно он подчёркивал, что дальнейшие шаги союзников будут находиться в зависимости от военных успехов Сибирских армий. Свою задачу в этих обстоятельствах дипломат видел в работе над расширением политического значения созданного положения, его использовании «для ряда практических достижений в области финансов и снабжения»⁷³.

16 июня Мартель без каких-либо комментариев передал Верховному правителю телеграмму союзников. Колчак и его окружение были ожидаемо разочарованы. «Ответ Держав был принят Верховным правителем с безразличием, которое характеризует общее отношение правительства к вопросу признания», – написал в тот день Сукин⁷⁴. Власти Омска прислушались к советам своего министра и решили выжать из полученных обещаний максимум пользы. Сазонову поручили выяснить, в чём на деле будет выражаться обещанная помощь: «Можно ли рассчитывать на приток снабжения из Америки, открытие кредитов в иностранной валюте, предоставление сколько-нибудь значительного тоннажа для перевозок и т.д.». С другой стороны, правительство считало, что в ближайшие недели придётся серьёзно оценить совокупность военной обстановки на всех фронтах, а также положение Дальнего Востока и охрану железной дороги, и обсудить с союзниками практические мероприятия в этом направлении⁷⁵.

Между тем французский верховный комиссар в Сибири поздравил Омское правительство с большим дипломатическим успехом, вызвав в последнем, по-видимому, подозрения в издевке. Во всяком случае, Сукин писал Сазонову, что «смысл последнего для нас не ясен»⁷⁶. Так или иначе, Колчак ответил телеграммой, по выражению представителя высшего межсоюзного командования в Омске французского генерала Жанена, полной «трогательного либерализма» (Жанен 1930: 120).

⁷² С.Д. Сазонов – на имя Верховного правителя 12 июня 1919 г. №1277. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 115. Л. 84.

⁷³ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 17 июня 1919 г. № 68. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 64–65.

⁷⁴ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 16 июня 1919 г. № 1005. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1630.

⁷⁵ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 17 июня 1919 г. № 100. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 113. Л. 64.

⁷⁶ И.И. Сукин – министру 20 июня 1919 г. № 1059. ГАРФ. Ф.10003. Оп. 2. Р. 13; Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 37.

Таким образом, в вопросе признания правительства Колчака продвинуться не удалось. Положительным итогом обмена нотами стало налаживание снабжения Белых армий. В отношении между союзниками и Белым движением всё глубже проникала обоюдная подозрительность. Французский генерал М. Жанен писал, что «здешняя публика, учитывая материальные и моральные выгоды, которые доставит им признание, будет обещать всё, что от неё потребуют, и даже больше»⁷⁷.

Понимая, что вопрос о признании, а вместе с ним и легализация Заграничного корпуса в качестве представительства Омского правительства, вновь откладываются в долгий ящик, Сазонов решил более не мириться с ненормальным положением. Международные сношения – сфера, подчинённая известной регламентации. Представительства не могли себя чувствовать уверенно, не соблюдая формальностей. Между тем они продолжали по инерции действовать в рамках полномочий от правительств (имперского и Временного), которые давно канули в Лету, пользуясь снисходительностью, проявленной державами. Положение самого Сазонова не только на международной арене, но и внутри ведомства было двусмысленным. Послы, по крайней мере, когда-то были назначены законными, хотя более и не существовавшими правительствами, и все (за исключением Маклакова) прошли аккредитацию, а Сазонов был министром правительства, которое ни одно государство, кроме Сербии, не признало. Нельзя сказать, что как в международной, так и в русской среде, ему не кололи этим глаза. Задуманный им акт в какой-то мере должен был исправить ситуацию, выровнять полномочия, переведя всё ведомство на положение представительства Омского правительства.

16 июня министр написал Колчаку: «желательно, чтобы Вы поручили мне, как министру иностранных дел, оповестить от Вашего имени иностранные представительства, что Вами подтверждаются полномочия, состоящих при них русских представителей. О посылке мне такового поручения желательно также осведомить иностранных дипломатов в Омске»⁷⁸. Более месяца потребовалось Верховному правителю на принятие решения, пока в конце июля задуманная Сазоновым акция была проведена⁷⁹.

Летом – осенью 1919 г. успешно развивалось наступление войск генерала Деникина. В сентябре он предпринял наступление на Москву. В октябре началось давно готовившееся наступление Юденича на Петроград. С этими событиями был связан новый этап работы над международным признанием Белого движения.

⁷⁷ Там же. С. 143-144.

⁷⁸ С.Д. Сазонов – адмиралу Колчаку 16 июня 1919 г. № 1333. *АВПРИ*. Ф 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1635.

⁷⁹ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову от 23 июля 1919 г. *Там же*. Л. 103.

Дипломатам давно было очевидно, что вопрос о международном признании прямо зависит от хода военных действий на фронтах Гражданской войны. Это соображение министр старался донести до руководства Белого движения. «Признание русского правительства, – писал он, – будет зависеть от успехов наших армий и устроения жизни в областях, очищенных от большевиков»⁸⁰. Его поддержал старейшина Корпуса, полагавший, что причины затягивания рассмотрения вопроса лежат в области внутренних дел союзников, «в неустойчивости преследуемых политических видов и отчасти в сомнении в прочности военных наших успехов»⁸¹. Впрочем, главу внешнеполитического ведомства воодушевили последние успехи Белых армий, и он обещал в случае их дальнейшего развития возобновить активные настояния в этом вопросе⁸².

24 сентября русская делегация вновь передала Верховному совету союзников в Париже меморандум, настаивавший на необходимости признания правительства Колчака⁸³. Разворачивая работу над решением этого вопроса, Сазонов рекомендовал главам российских посольств в США и Великобритании энергично настаивать, чтобы представителям этих стран в Совете пяти были даны распоряжения содействовать международному признанию Колчака. Он предлагал коллегам обратить внимание правительств стран их пребывания на существенный вред, наносимый дальнейшим затягиванием признания, которое лишало Белое движение возможности использовать целый ряд средств в борьбе с большевиками, и делал упор на то, что «самим союзникам выполнение данных ими адмиралу Колчаку обещаний будет облегчено после признания»⁸⁴.

Информация из стран поступала вполне оптимистичная. «Газеты полны сведений о наших победах, и общественное мнение спешит на помощь победителям»⁸⁵, – сообщало посольство в Лондоне. О «благоприятной фазе» писал из Вашингтона посол Бахметев. Он полагал, что американцы готовы взять на себя инициативу в этом вопросе, но после того, как окончательно определится исход борьбы с большевиками⁸⁶. Однако скоро выяснилось, что военные успехи были лишь отголоском побед летней кампании.

С воодушевлением включился в решение этой проблемы сменивший Набокова на посту главы посольства в Лондоне Е.В. Саблин. Он вёл переговоры с руководителем русского отдела Форин офис Дж. Грегори, через сочувствовавших

⁸⁰ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 26 сентября 1919 г. № 2387-207. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 333 Л. 4.

⁸¹ Там же. Л. 12.

⁸² Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 16 сентября 1919 г. № 2269-1807. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 77.

⁸³ Секретная телеграмма министра иностранных дел 24 сентября 1919 г. № 2367-202. Там же. Д. 333. Л. 4.

⁸⁴ Министр в мининдел в Омск, А.А. Нератову в Таганрог, Б.А. Бахметеву в Вашингтон, Е.В. Саблину в Лондон 24 сентября 1919 г. № 2367/202. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. Р. 3.

⁸⁵ Е.В. Саблин – И.И. Сукину 18 октября 1919 г. № 715. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 47.

⁸⁶ Секретная телеграмма посланника в Пекине (передаёт телеграмму Бахметева) на имя управляющего МИД 22 сентября 1919 г. № 189. Там же. Л. 73.

английских политических деятелей стремился повлиять на премьер-министра, каждый день писал редактору «Таймс», чтобы укрепить его в симпатии к Белому движению⁸⁷. По использовавшейся им аргументации можно судить о тезисах, которыми оперировала русская дипломатия в переговорах по этому вопросу.

Прежде всего, Саблин старался убедить контрагентов, что признание Колчака будет полезно самой Англии. Во-первых, большевики создают угрозу английским интересам в Туркестане, Афганистане и Индии. И напротив, «организованная и сильная Россия на окраинах Персии, Афганистана и Индии есть необходимость для Англии, если она желает сохранить Индию». Дипломат обращал внимание на прибытие в Москву афганского посольства и указывал на перешедших на сторону Советов русских специалистов по Востоку, которые, будучи хорошо знакомы с положением дел в регионе, способны создать там англичанам серьёзные неприятности. Во-вторых, он указывал на угрозу установления Германией в России «режима, коего опасается Ллойд Джордж». Наконец, Саблин не упустил случая повторить сентенцию «о влиянии позиции Лондона в сложившихся обстоятельствах на будущие отношения между двумя странами, и в целом и, в частности, на востоке»⁸⁸.

Саблин призывал Англию энергично поднять вопрос о признании Омского правительства «столько же в своих интересах, сколько в наших» и обещал своё содействие в самом широком распространении в России известий о роли Англии в этом процессе⁸⁹.

Дипломат продолжал работать над проблемой на протяжении всего октября 1919 г.⁹⁰ 1 ноября на в очередной раз заданный вопрос о признании правительства Колчака он получил ответ, «что известия из Сибири неудовлетворительны, что Колчаку, вероятно, придётся отступить и что при настоящих обстоятельствах признание не является своевременным. Иначе будет обстоять вопрос, когда Деникин возьмёт Москву. К этому времени английское правительство будет приурочивать признание»⁹¹. 4 ноября Сазонов из Парижа писал, что «взятие Петрограда нанесёт тяжёлый удар большевизму и, подняв авторитет Российского правительства, ускорит его признание»⁹².

Неблагоприятный оборот событий на Восточном и Северо-Западном фронтах, приостановка наступлений на Южном остановили дальнейшее обсуждение проблемы. Сазонов старался сгладить неблагоприятное впечатление от поражений Белых армий в России, однако, несмотря на то что допущенная Ллойд

⁸⁷ Е.В. Саблин И.И. Сукину 18 октября 1919 г. № 715. Там же. Л. 47.

⁸⁸ Е.В. Саблин – С.Д. Сазонову 16 октября 1919 г. Из архива организаторов интервенции в России. 1961. *Исторический архив*. №6. С. 92-93.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Е.В. Саблин И.И. Сукину 24 октября 1919 г. № 748. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 42.

⁹¹ Е.В. Саблин министру 1 ноября 1919 г. № 779. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 12.

⁹² Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД. В Омск. 4 ноября 1919 г. № 2913-312. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 280. Л. 164.

Джорджем возможность новых предложений в духе Принкипо встретила решительное осуждение французского и, по-видимому, американского правительств, переломить ситуацию дипломатическими переговорами не удалось⁹³. В конце декабря 1919 г., когда правительство Колчака перебиралось из Омска в Иркутск, накануне ареста Верховного правителя чехами, министр предпринял ещё одну попытку добиться признания его правительства со стороны славянского государства. Поиски болгарским правительством контактов с Белым движением дали почву для выставления ему условий. В качестве главного министр выдвинул Софии требование обнародовать готовность «признать Российское правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком и представляемое на юге генералом Деникиным»⁹⁴. Однако время уже работало против подобных решений.

Заграничный корпус и вопрос о признании правительства Врангеля

Весной 1920 г. проблему признания в несколько изменённом виде унаследовало правительство П.Н. Врангеля.

С одной стороны, ограниченный полуостровом последний оплот антибольшевизма в европейской России, так же как и его представители за рубежом, ни о каком «равноправии» или об участии в мировых политических процессах уже не помышляли. Русский заграничный дипломатический корпус и сам занял полунезависимое от крымских властей позицию, что выразилось в выдвигании им своего собственного главы, которым стал М.Н. Гирс. Последний разделил ответственность за ведение внешней политики Движения с назначенным П.Н. Врангелем главой управления внешних сношений П.Б. Струве. В новых условиях рассчитывать можно было исключительно на признание нового правительства в качестве фактического, судя по всему, на тех же основаниях, на каких в период Гражданской войны это легко делалось в отношении национальных окраин. Но в ситуации с русским анклавом и такой вариант оказался проблематичным.

С другой стороны, севастопольские власти преодолели те рамки, в которых решался вопрос в 1919 г. Возглавив движение, генерал барон П.Н. Врангель и его правительство поставили задачу скорейшего восстановления отношений с «бывшими неприятельскими странами».

Летом 1920 г. была предпринята попытка добиться официального признания со стороны Османской империи. Порта уклонилась от этого шага, однако, Великий визирь согласился признать за фактически возобновившей свою работу в начале 1919 г. русской миссией в Стамбуле все дипломатические права и привилегии, а за русскими людьми – права, признанные за остальными европейцами (Михайловский 1992: 582-583).

⁹³ Секретная телеграмма министра И.Д. 13 ноября 1919 г. № 3021-327. Там же. Д. 333. Л. 54.

⁹⁴ С.Д. Сазонов – мининдел, Иркутск, А.А. Нератову, Таганрог. 25 декабря 1919 г. № 339-387. ГАРФ. Ф.10003. Оп. 2. Р. 3.

Осенью 1920 г. группа немецких промышленников под руководством Вагнера, заинтересованная в приобретении концессий, инициировала вопрос о воссоздании официальных отношений между Германией и правительством Врангеля. Главнокомандующий, отвергнув из «формальных» соображений экономические инициативы, проявил заинтересованность в открытии дипломатических представительств в Германии и Австрии, причём в случае невозможности установления официальных отношений, посчитал приемлемым и «принцип официозного представительства». Правительство придавало этой проблеме чрезвычайное значение – её не затмевали даже военные действия: 14 октября Главнокомандующий, а 5 ноября председатель его Совета начальников управлений А.В. Кривошеин подчёркивали «настоятельную необходимость» его решения⁹⁵.

Одновременно с инициативой об установлении дипломатических отношений с Севастополем выступило правительство Венгрии, выразив готовность даже финансировать русское представительство, которое было бы аккредитовано в Будапеште. Интересно, что обсуждение вопроса велось накануне падения Крыма, так что даже поражение армии Врангеля и её эвакуация с полуострова не остановило его решения. Полковник Генерального штаба фон Лампе получил назначение в Будапешт в качестве военного агента в конце января 1921 г. Князь П.М. Волконский летом того же года был упомянут в списке русских дипломатических агентов в качестве официального представителя в Венгрии⁹⁶.

Между тем процесс установления отношений со странами Антанты осложнился. После поражения Колчака, а затем и Деникина Лондон решил, что поддерживать белых больше не имеет смысла, и выразил готовность стать посредником в переговорах об их сдаче большевикам. Англичане развивали контакты с советским правительством, проявляя готовность к установлению торговых отношений, что означало его фактическое признание. Тогда впервые за последний год из тени Лондона в решении русского вопроса вышел Париж. Обусловлено это было его последовательной поддержкой Польши в борьбе против РСФСР.

Исследователи (Карлей 2017: 52-73; Гришанин, Ермаков 2006: 118) пришли к общему выводу, что отношения с врангелевским правительством Франции были вторичны сравнительно с её связями с Варшавой. Значимость Крыма для Парижа возрастала по мере поражений поляков в войне с Советской Россией. Он привлёк к себе особое внимание французского кабинета после июньских поражений поляков. Этим сумел воспользоваться находившийся в Париже руководитель врангелевского отдела внешних сношений П.Б. Струве: он выступил с серией докладов о положении в России, обрисовав успехи и подчеркнув новые подходы главного командования как во внутренней, так и во внешней

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 63. Л. 1, 2.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

политике⁹⁷. 20 июня глава Управления внешних сношений передал во французский МИД меморандум с изложением программы Севастопольского правительства. 21 июня Струве с Маклаковым были приняты А. Мильераном. Французский премьер-министр заверил представителей Севастополя в том, что для Парижа важна ясность и твёрдость внутренней политики Крыма и «искренняя готовность действовать заодно с поляками». Помимо того, он считал необходимым сохранить контакты между английскими властями и Севастопольским правительством, чтобы оставить открытым вопрос о переговорах на основании признания неприкосновенности Крыма и казачьих территорий, а также «очищения территорий кавказских политических образований, в чём заинтересована сама Англия». В этой связи он рекомендовал сохранять выдержку и к звучавшим из Лондона призывам о прямых переговорах с большевиками, предложениям о посредничестве при обсуждении капитуляции Врангеля и амнистии его сторонникам относиться, как к советам дружественным, «которым невозможно следовать»⁹⁸. Совещание Верховного совета союзников в Булони в 20-х числах июня подтвердило готовность стран-участниц продолжать экономические переговоры с Советами.

Струве принял рекомендацию Мильерана и отправился в Англию, где столкнулся с последовательным нежеланием англичан «разговаривать... в дипломатическом порядке»⁹⁹. Обстоятельства для таких переговоров складывались неблагоприятные: поляки на фронте борьбы с большевиками терпели неудачи, а советское правительство проявило готовность пойти на предложенные Англией переговоры.

В Лондоне, видимо, не без участия главы посольства Саблина, Струве сформулировал ближайшие задачи русской дипломатии. Они подразумевали необходимость «убедить и французов, и англичан, в том, что вопрос о мире должен быть развёрнут в общую проблему, включающую обеспечение нашего существования в занятых нами пределах и наше фактическое международное признание»¹⁰⁰. Предполагалось также разъяснить французам международную опасность признания одних большевиков, которая усматривалась, в частности, «на Ближнем и Среднем Востоке, где может произойти сближение оставленных союзниками русских патриотических сил с национальными элементами большевиков». Такое объединение, по мнению русских дипломатов, было бы непременно направлено против Антанты¹⁰¹.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 11. К. 174. Л. 6.

⁹⁹ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 12 июля 1920 г. № 426. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524 Д. 3549. Л. 44 об.

¹⁰⁰ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 11 июля 1920 г. № 423. Там же. Л. 33 об.

¹⁰¹ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 12 июля 1920 г. № 426. Там же. Л. 44 об.

Не добившись результатов в Лондоне, Струве отправился в Бельгию на союзническую конференцию в Спа. Туда его сопровождал советник посольства в Париже Н.А. Базили¹⁰². Глава управления настаивал на приезде в Спа М.Н. Гирса¹⁰³, однако старейшина Корпуса, который, как мы видели ранее, ведение переговоров с французами передал Маклакову, от приглашения уклонился.

Дипломаты после октября 1917 г. позиционировали себя представителями единой России. Будущее Севастопольского правительства, не имевшего серьёзных перспектив в борьбе за страну в целом – что понимал и сам Врангель – вызывало у них большие сомнения. Они не стремились демонстрировать свою связь с властями Крымского полуострова, чтобы в случае его поражения не лишиться той «благодати преемственности», которой ещё пользовались, и которая должна была дать им возможность продолжить работу в случае неблагоприятного окончания Гражданской войны. Но и отказать в поддержке усилий врангелевской дипломатии они не считали для себя возможным. В непростой ситуации М.Н. Гирс, видимо, сознательно, как «хранитель» Корпуса, был выведен за рамки этой работы.

Тем не менее дипломаты с напряжением наблюдали за развернувшейся в Спа борьбой. Ллойд Джордж, придерживавшийся линии на заключении торгового соглашения с Советской Россией (что стало бы её фактическим признанием), выступил с инициативой о прекращении советско-польской и Гражданской войн. Он предложил посреднические услуги Англии в мирных переговорах, созыв конференции, на которую предполагал допустить представителей Врангеля только в качестве технических сотрудников для обсуждения условий сдачи. Вопрос о признании Севастопольского правительства в такой обстановке поставлен быть не мог. Тем не менее на конференции стало заметно углубление противоречий между Англией и Францией в вопросах, касавшихся Польши и Севастопольского правительства¹⁰⁴.

Все заинтересованные стороны с напряжением ждали ответа большевиков на новые предложения английского премьера. Ответ, отрицательный по содержанию и грубый по форме, подтолкнул Париж к решительным действиям: французы опасались разгрома поляков, своих последних союзников против Германии.

23 июля П.Б. Струве сообщил МИД Франции, что он уполномочен официально признать все международные соглашения, заключённые предыдущими российскими правительствами (Карлей 2017: 60). Получив заверения о принятом французским правительством решении признать Врангеля де-факто, Пётр Бернгардович отправился в Крым. В начале августа он сообщил М.Н. Гирсу

¹⁰² Е.В. Саблин – Н.А. Базили (передаёт телеграмму П.Б. Струве) 11 июля 1920 г. № 423. Там же. Л. 33 об.

¹⁰³ Д.А. Нелидов – В.А. Маклакову 13 июля 1920 г. № 1430. Там же. Л. 48 об.

¹⁰⁴ Донесения Н.А. Базили М.Н. Гирсу через Нелидова 14, 17 июля 1920 г. Там же. Л. 46 об., 47.

обязательства, которые примет на себя правительство в случае признания: готовность отвечать по всем обязательствам прежних правительств, проведение аграрной реформы, предоставление народу по окончании борьбы возможности свободно проявить свою волю в вопросе государственного устройства¹⁰⁵.

Однако время шло, а обещанного признания так и не происходило. 4 августа Струве обратился в парижское посольство с просьбой при участии Гирса ускорить решение вопроса¹⁰⁶. Показательно, что напрямую ставить эту задачу перед старейшиной Струве не стал. Тем не менее Гирс счёл момент удобным для своего включения в общее дело: он встретился с Мильераном и дал ему все необходимые заверения. 8 августа российское посольство в Париже отправило официальный запрос на признание де-факто. Последней каплей на чаше весов, склонившей Париж к признанию, по мнению М.Д. Карлея, стал несогласованный с Мильераном совет о примирении с РСФСР, который Ллойд Джордж дал полякам 10 августа, накануне битвы за Варшаву (Карлей 2017: 61).

Итак, 10 августа 1920 г. Франция де-факто признала правительство Врангеля. М.Н. Гирс сделал по этому случаю заявление прессе об основных задачах и целях политики Врангеля. Получив заблаговременно полномочия на такую публикацию, он не успел согласовать её текст с Севастополем. Главнокомандующий в целом одобрил выступление Гирса, за исключением «излишнего подчёркивания «нашей демократичности» и фразы «о законном освящении захвата земли, совершённого крестьянами в течение революции» (Воспоминания генерала... 1992).

Представители Дипломатического корпуса с немалой долей скепсиса отнеслись к столь долгожданному событию. Даже непосредственно участвовавший в переговорах Н.А. Базили не испытывал эйфории. Он признавал, что «фактическое признание определяет на *ближайшее время* отношение французского правительства и открывает возможность существенных облегчений в вопросах снабжений», но при этом советовал не забывать, что линия политики французского правительства зависима от «*общей конъюнктуры взаимоотношений западных держав между собой и с большевиками*». Он советовал использовать момент для получения всего, что только возможно, не затягивая с заявками на военные материалы и снаряжение¹⁰⁷. Есть сведения, что заместитель Струве князь Г.Н. Трубецкой относился к этому шагу как к попытке установления Францией протектората над Крымом без оказания реальной помощи (Михайловский 1992: 616). В дипломатической среде высказывалось мнение, что в 1919 г. признание «вынудило бы союзников в конце концов к непосредственным

¹⁰⁵ А.А. Нератов посольству в Париже 3 августа 1920 г. № 617 (передаёт т-му П.Б. Струве В.А. Маклакову). *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3549 Л. 94 об.

¹⁰⁶ П.Б. Струве – В.А. Маклакову, Н.А. Базили 4 августа 1920 г. № 623. *ГАРФ*. Ф. 10003. Оп. 11. К. 174. Л. 122.

¹⁰⁷ Н.А. Базили – П.Б. Струве 12/25 августа 1920 г. № 1158. Pipes R. Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920 *Cahiers du monde russe et soviétique* 1963. 4(4-4). P. 422.

военным действиям», тогда как в обстоятельствах 1920 г. признание Врангеля могло свестись к моральной поддержке (Михайловский 1992: 616). Маклаков в письме Бахметеву откrestился от участия в этом деле, сославшись на то, что последние месяцы из-за болезни и не имел возможности участвовать в общей работе. Полученное известие о признании, по его собственному утверждению, не доставило ему удовлетворения. Он «опасался бурного протеста англичан и отступления французов». Посол рассматривал признание фактического правительства Юга России как «полемиический» жест, который, «как всякий жест имел свойство дразнить одних, обещать другим и ничего не давать»¹⁰⁸. Его беспокоило охватившее Крым воодушевление, провоцировавшее настоячивые распоряжения поскорее добиться признания и от других стран; запросы о том, какие юридические последствия будет иметь такое признание; предписания передать правительству Врангеля, как признанной власти, остатки всех государственных средств; был также поднят вопрос об объединении русско-польских войск в деле борьбы с большевиками под французским командованием¹⁰⁹.

Заключение

Задача международного признания небольшевистского правительства России для продолжавшего работать за рубежом Русского дипломатического корпуса имела первостепенное значение и на протяжении всей Гражданской войны занимала центральное место в его деятельности. Дипломаты осознавали непреходящую значимость этого вопроса для будущего страны: только имея признанное правительство можно было рассчитывать на участие в мирной конференции по окончании Первой мировой войны и, тем самым, в определении конфигурации будущего мира; только добившись признания можно было рассчитывать на получение помощи для вооружённой борьбы с большевизмом.

В рассмотрение вопроса был вовлечён весьма ограниченный круг сотрудников Корпуса: С.Д. Сазонов в качестве министра иностранных дел, М.Н. Гирс, как старейшина Корпуса и посол в Италии, В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев, послы в Париже и Вашингтоне, К.Д. Набоков и Е.В. Саблин в качестве поверенных в делах в Великобритании; на начальном этапе посланник в Китае Н.А. Кудашев и посол в Японии В.Н. Крупенский, на завершающем этапе – Н.А. Базили, советник посольства в Париже. Однако надо иметь в виду, что за каждым из них стояли посольство со своим штатом или круг доверенных лиц.

Дипломаты изначально оказались в неординарной ситуации: им пришлось участвовать в создании того правительства России, которое могло бы обрести международное признание. Новое место Заграничного корпуса в иерархии вла-

¹⁰⁸ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 сентября 1920 г. «Совершенно лично и доверительно». Т. 1. С. 226.

¹⁰⁹ Там же. С. 228.

сти в условиях Гражданской войны дало ему возможность не столько подчиняться правительству, сколько выступать с ним на паритетных началах: предлагать и отставить свою концепцию, видение ситуации и подхода к решению проблемы международного признания.

Корпус относился к этой проблеме с большой осторожностью, не всегда был един в подходах к её решению. Дискуссии, которые вела русская дипломатия, касались не существования проблемы, а тактики её решения.

Осознавая заинтересованность держав, от которых зависело признание, в ослаблении России, они проявили готовность пойти на уступки, которые, однако, были признаны неприемлемыми военным руководством Белого движения. Дальнейший политический торг оказался невозможен. Дипломаты видели прямую зависимость отношения союзников к вопросу признания от побед Белых армий и пытались донести этот факт до сознания белых военачальников, которые, однако, были не в состоянии победить без помощи союзников, обусловленной признанием.

Чрезвычайно ограниченное политическое поле, на котором пришлось действовать Корпусу, не позволило дипломатам добиться признания правительств Колчака–Деникина в 1919 г. Была предпринята попытка разрешить эту проблему примером славянских стран, однако только Королевство сербов, хорватов и словенцев по собственному почину признало правительство Колчака.

В конце Гражданской войны Дипломатический корпус отдал инициативу борьбы за международное признание Движения правительству Врангеля в лице главы его отдела внешних сношений – П.Б. Струве. Севастопольское правительство расширило рамки рассмотрения вопроса, занявшись восстановлением отношений со странами, потерпевшими поражение в мировой войне. Франция, в интересах своей пропольской политики, де-факто признала правительство Врангеля на тех же основаниях, на каких в те годы державы давали признание национальным окраинам бывшей Российской империи. Дипломатический корпус поддержал усилия Севастополя в этом отношении, понимая запоздалость этой меры и не видя перспектив борьбы с советской властью. Он отдавал себе отчёт в том, что в основе признания Францией Севастопольского правительства лежали вовсе не интересы Белой борьбы в России.

Об авторе:

Елена Михайловна Миронова — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник института Всеобщей истории РАН. 119334, Москва, Ленинский проспект 32-А.
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.82(470+571)"1918/1920"

Received: November 4, 2022

Accepted: February 10, 2023

Russian Non-Bolshevik Diplomacy and the Issue of International Recognition of the White Movement in 1918-1920

E.M. Mironova

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86)

Institute of world history RAS

Abstract: Gaining international recognition for the White Movement was the most important foreign policy task of the Russian non-Bolshevik diplomacy. The article traces the evolving discourse of career diplomats considering this issue at different stages of the civil war. It shows their deep patriotism, professionalism, and persistency in carrying out the task. However, when the allies did not share the slogans of the White Movement, the possibilities for finding common ground were very limited. At the first stage (summer-autumn 1918), diplomats were cautious about the claims for recognition of numerous Russian non-Bolshevik governments. In the second stage (1918 – 1919), the issue of recognition played a unique role – participation of Russian representatives in the peace conference, and therefore in determining the configuration of the post-war world, depended on its success. The resolve of the diplomats to defend the Russia's national interests did not suit foreign powers, who did not share the movement's slogan about restoring a united and indivisible Russia, its power, and its position in the world. At the third stage (spring-summer 1920), diplomats, losing hope for military victory of the White Movement in the civil war, withdrew from the direct involvement in seeking international recognition for the Movement. However, they provided all possible technical support to the head of the Department of External Relations of the Wrangel Government, Peter B. Struve, who assumed this mission. France's recognition of the Sevastopol authorities in the summer of 1920 was limited, did not involve active military assistance, and caused justified skepticism in diplomatic circles.

Keywords: Russian foreign diplomatic corps, Allies, S.D. Sazonov, P.B. Struve, V.A. Maklakov, M.N. Giers.

About the author:

Elena M. Mironova – PhD (Historical science) Associate Professor, Senior Researcher, Institute of world history RAS, Russia, 119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32-A.

E-mail: alena.stankina@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Thompson J.M. 1966. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 429 p.

Tongour N.N. 1979. *Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. Ph.D Dissertation. Stanford University.

Ullman R.H. 1968. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*: in 3 vols. Princeton, Jersey: Princeton Univ. Press. Vol. 2: *Britain and the Russian Civil War*. 396 p.

Abrikosov D.I. 2008. *Sud'ba russkogo diplomata* [The Fate of the Russian Diplomat]. Moscow: Publishing Center "Terra". (In Russian).

Chemakin A.A. 2020. Deyatel'nost' P.B. Struve kak ministra inostrannykh del pravitel'stva YUga Rossii (1920) [Activities of P.B. Struve as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920)]. *Nauchnyy dialog*. №12. P. 362–377. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

Churchil' W. 1932. *Mirovoy krizis* [The Global Crisis]. Moscow: State Military Publishing House. 328 p. (In Russian).

Cvetkov V.Zh. 2009. *Beloe delo v Rossii. 1919 formirovanie i evolyuciya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii*. [White Business in Russia 1919 the Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia]. Moscow: Posev. 635 p. (In Russian).

Emcov G.N. 2002. Mezhdunarodnoe priznanie pravitel'stva A.V. Kolchaka (1918–1920 gg.): istoriko-pravovoi analiz [International Recognition of the Government of A.V. Kolchak (1918–1920): Historical and Legal Analysis]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava*. Krasnoyarsk. P. 63–75. (In Russian).

Ermakov V.P., Grishanin P.I. 2002. God 1920 v Krymu: «beloe delo» generala P.N. Vrangelya i pozicii pravitel'stva SSHA [Year 1920 in the Crimea: "White Matter" of General P.N. Wrangel and the Position of the US Government]. *Aktual'nye problemy rossijskoj i mirovoi istorii. Uchyonye zapiski*. Vypusk I. Pyatigorsk. P. 99–107. (In Russian).

Grishanin P.I., Ermakov V.P. 2006. P.N. Vragel' i Pol'sha: slozhnosti i protivorechiya vzaimootnoshenij [P.N. Wrangel and Poland: Complexities and contradictions of relations]. *Krym, Vragel'. 1920*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. P. 116–124. (In Russian).

Karlej M.D. 2017. Antibol'shevizm vo vneshnej politike Francii: pol'skij krizis 1920 g. [Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Polish Crisis of 1920]. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovaniy*. Moscow. 3(10). P. 52–73. (In Russian).

Listikov S.V. 2009. Mir bez Rossii: predstavitel'stvo Belogo dvizheniya na Parizhskoi konferencii [World Without Russia: Representation of the White Movement at the Paris Conference]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(4). P. 15–29. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Listikov S.V. 2011. «Vil'sonovskie 14 punktov» i russkie nebol'shevistskie sily na parizhskoi mirnoi konferencii [Wilson's 14 Points" and Russian non-Bolshevik Forces at the Paris Peace Conference]. *Zabytaya vojna i predannyye geroi*. Moscow: Veche. P. 129–158. (In Russian).

Mel'gunov S.P. 2004. *Tragediya admirala Kolchaka* [The Tragedy of Admiral Kolchak.] Book 1. Moscow. (In Russian).

Mikhailovsky G.N. 1992. *Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920* [Notes. From the History of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920]. Books 1–2. Moscow. (In Russian)

Mironova E.M. 2013. *Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel' 1917–1918 gg.* [From Pevchesky Bridge to Grenelle Street 1917–1918]. Moscow: IVI RAN. 235 p. (In Russian).

Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918–1924 gg: ot intervencii k priznaniyu*. [Bolsheviks and British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Saint-Petersburg: Nauka. 831 p. (In Russian).

Shmelev A.V. 2017. *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka. 1918–1919* [Foreign Policy of the Government of Admiral Kolchak. 1918–1919]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 266 p. (In Russian).

Shtein B.E. 1949. *"Russkij vopros" na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920 gg.)* ["The Russian Question" at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow: Gospolitizdat. 463 p. (in Russian).

Smolin A.V. 2017. *U zakrytyh dverej versal'skogo dvorca. Parizhskaya mirnaya konferenciya i russkaya diplomatiya v 1919 g.* [At the Closed Doors of the Palace of Versailles. Paris Peace Conference and Russian Diplomacy in 1919]. Saint-Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russian).

Vrangel P.N. *Vospominaniya generala barona Vrangelya* [Memoirs of General Baron Wrangel]. 1992. Part 2. Moscow. (In Russian).

Zhanen M. 1930. *Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika. Kolchakovshchina. Iz belyh memuarov.* [Excerpts from my Siberian Diary. Kolchakovshchina. From the White Memoirs]. N.A. Kornatovsky (Ed.). Leningrad: Krasnaya Gazeta. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Абрикосов Д.И. 2008. *Судьба русского дипломата*. Москва.

Врангель П.Н. 1992. *Воспоминания генерала барона Врангеля*. Ч. 2. Москва: Изд. центр «Тerra».

Гришанин П.И., Ермаков В.П. 2006. П.Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений. *Крым, Врангель. 1920*. Москва: Социально-политическая мысль. С. 116–124.

Емцов Г.Н. 2002. Международное признание правительства А.В. Колчака (1918–1920 гг.): историко-правовой анализ. *Актуальные проблемы теории и истории государства и права*. Красноярск. С. 63–75.

Ермаков В.П., Гришанин П.И. 2002. Год 1920 в Крыму: «белое дело» генерала П.Н. Врангеля и позиции правительства США. *Актуальные проблемы российской и мировой истории. Учёные записки*. Выпуск I. Пятигорск. С. 99–107.

Жанен М. 1930. *Отрывки из моего сибирского дневника. Колчаковищина. Из белых мемуаров*. Под ред. Н.А. Корнатовского. Ленинград: Красная газета.

Карлей М.Д. 2017. Антибольшевизм во внешней политике Франции: польский кризис 1920 г. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. Москва. 10(3). С. 52–73.

Листиков С.В. 2009. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(4). С. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Листиков С.В. 2011. «Вильсоновские 14 пунктов» и русские небольшевистские силы на парижской мирной конференции. *Забывтая война и преданные герои*. Москва: Вече. С. 129–158.

Мельгунов С.П. 2004. *Трагедия адмирала Колчака*. Кн. 1. Москва. 592 с.

Миронова Е.М. 2013. *От Певческого моста до улицы Гренель 1917-1918 гг.* Москва: ИВИ РАН. 235 с.

Михайловский Г.Н. 1992. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920*. Кн. 1-2. Москва;

Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 831 с.

Смолин А.В. 2017. *У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г.* Санкт-Петербург: Наука. 417 с.

Цветков В.Ж. 2009. *Белое дело в России 1919 гг. формирование и эволюция политических структур Белого движения в России*. Москва: Посев. 635 с.

Чемакин А.А. 2020. Деятельность П.Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920). *Научный диалог*. №12. С. 362-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

Черчилль У. 1932. *Мировой кризис*. Москва: Государственное военное издательство. 328 с.

Шмелёв А.В. 2017. *Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 266 с.

Штейн Б.Е. 1949. *«Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.)*. Москва: Госполитиздат. 463 с.